

1

День мертвых

В Сан-Франциско стоял прохладный, спокойный ноябрьский денек, и Альфонс Ривера, жилистый смуглый человек пятидесяти лет, сидел за прилавком своего книжного магазина и листал “Большущую-пребольшущую книгу Смерти”. Над дверью звякнул старомодный колокольчик, и Ривера поднял голову. В магазин ввалился Император Сан-Франциско — не человеческая фигура, но громадная косматая грозовая туча, за ним — его верные псы Фуфел и Лазарь. Топали лапами и скакали они с пылом и рвением, а затем заметались по всей лавке, точно агенты Секретной службы, зачищающие локацию на тот случай, если где-то среди стеллажей затаился коварный террорист — или мясистая пицца.

— Имена должно записывать, инспектор, — провозгласил Император, — дабы не забылись они.

Ривера не встревожился, но рука его по привычке упала на бедро, где прежде размещался табельный пистолет. Двадцать пять лет на службе в полиции — привычка

вросла в него, однако пистолет теперь заперт в сейфе в подсобке. Под прилавком Ривера держал электрошокер, и за год, миновавший после открытия лавки, с места его сдвигали только для того, чтобы стереть пыль.

— Чьи имена?

— Да имена мертвых, конечно же, — ответил Император. — Мне нужен гроссбух.

Ривера встал с табурета и возложил свои очки для чтения на прилавок рядом с книгой. В следующий миг бостонский терьер Фуфел и золотистый ретривер Лазарь оказались за прилавком с ним рядом, и первый встал на задние лапы. Его полные надежды выпученные глаза возвелись горé во славу богов подачи — к их пантеону он вполне желал причислить и Ривера, но не задарма.

— У меня для вас ничего нет, — сказал Ривера, ощущая при этом, что ему как будто бы следовало догадаться и запастись угощением. — Вам, ребята, тут вообще быть не полагается. Собакам вход воспрещен. — Он показал на дверь, где висела соответствующая табличка, что не только смотрела лицом на улицу, но и существовала на таком языке, на котором Фуфел не читал, а не читал он ни на одном.

Лазарь, усевшись позади своего напарника и мирно сопя, отвел взгляд, чтобы не усугублять смущения Риверы.

— Заткнись, — молвил Ривера ретриверу. — Я знаю, что он не умеет читать. Пускай поверит мне на слово — на табличке именно так и написано.

— Инспектор? — Император огладил себе бороду и взялся за отвороты замызганного драпового пальто, тем самым изготовившись предложить содействие

нуждающемуся горожанину. — Вам наверняка известно, что Лазарь также не умеет разговаривать.

— Это пока, — ответил Ривера. — Но у него такой вид, словно ему есть что сказать. — И бывший легавый вздохнул, протянул руку и почесал Фуфела между ушей.

Фуфел дозволил, вновь опустился на все четыре конечности и фыркнул. “Ты мог бы стать великим, — подумал он, — героем мог бы стать, а теперь мне придется вынюхать целую милю забористых какашек, лишь бы изгнать из носа этот запах твоего недомыслия... ох, как это приятно. Ох, приятно. Теперь ты мой новый лучший друг”.

— Инспектор?

— Я больше не инспектор, Ваша Милость.

— Однако же “инспектор” есть то звание, кое вы заслужили беспорочной службой своей, и ныне ваше оно присно.

— Присно, — с улыбкой повторил Ривера. Выспренняя манера Императора выразаться всегда его развлекала — напоминала о каких-то временах поблагодороднее, повоспитанней, пусть жить в них ему и не довелось. — Я не возражаю, конечно, чтобы титул следовал за мной, просто я надеялся, что все странности останутся у меня на старой работе.

— Странности?

— Наверняка помните. Вы там были. Твари под улицами, Торговцы Смертью, адские псы, Чарли Ашер — даже не знаете, какой сегодня день, и понимаете...

— Вторник, — сказал Император. — Хороший человек Чарли Ашер, храбрый. Положил свою жизнь за народ града сего. Его нам долго будет не хватать. Но, опасаясь я, странности на сем не прекратились.

— Нет, не прекратились, — произнес Ривера с авторитетом бóльшим, нежели сам он в себе ощущал. Проходите, не задерживайтесь. Проходим, не задерживаемся. То, что сегодня *Día de los Muertos*, День мертвых, и без того нервировало его так, что пришлось залезть в ящик стола и достать оттуда “Большущую-пребольшущую книгу Смерти”, но придавать весомости новым напоминаниям об этом он не согласен. “Признавая кошмар, даешь ему силу”, — говорил ему кто-то. Возможно, та жутковатая девочка-гот, что раньше работала у Чарли Ашера. — Вы сказали, вам нужен гроссбух?

— Записывать имена мертвых, да. Мне они явились минувшей ночью, целыми сотнями, и велели записывать их имена, дабы их не забыли.

— Во сне? — Ривере слушать не хотелось. Нисколько. Год прошел с тех пор, как все это случилось, как к нему прибыла “Большущая книга”, призвала его к действию, а он от призыва уклонился. Вот и ладно.

— Минувшей ночью мы покоились в дреме подле уборных Яхт-клуба имени святого Франциска, — сказал Император. — Мертвые пришли по воде — подплыли, словно туман. Они были вполне настойчивы.

— Они таковы, это да, — согласился Ривера. Император был сбрендившим стариком — милым, добрым и искренним полоумным. К несчастью, в прошлом многие его безумные бредни оказывались правдой — тут то и залегал ужас, который Ривера уже начинал ощущать у себя в груди.

— Стало быть, мертвые и с вами беседуют, инспектор?

— Я пятнадцать лет проработал в убойном отделе — хочешь не хочешь, а слушать научишься.

Император кивнул и по-отцовски потрепал Риверу по плечу.

— Мы оберегаем живых, но, очевидно, также нас призвали и служить мертвым.

— Бухгалтерских книг у меня нет, но какие-то хорошие нелинованные блокноты имеются.

Ривера подвел Императора к полке, на которой держал дневники различных габаритов в матерчатых и кожаных переплетах.

— Скольких мертвых будем записывать? — При общении с Императором что-то неизменно ставило тебя в такое положение, когда приходится произносить не слишком уж здравые вещи.

— Всех, — ответил Император.

— Разумеется — тогда вам понадобится томик поувесистей. — Ривера протянул ему крепкую толстую тетрадь в кожаном переплете с листами формата “письмо”.

Император взял ее, полистал, провел рукой по обложке. Перевел взгляд с книжки на Риверу, и глаза его наполнились слезами.

— Это будет в самый раз.

— Еще вам понадобится ручка, — сказал Ривера.

— Карандаш, — поправил его Император. — Номер два. В этом они были довольно точны.

— Мертвые? — уточнил Ривера.

Фуфел тявкнул — с подтекстом: “Конечно же, *мертвые*, белочка ты эдакая, никогда не слезавшая со своего дерева. Ты чем слушал вообще?” Ривере по-прежнему не удалось извлечь никаких угощений, а чесать Фуфела за ушами он прекратил, поэтому ну его нахер.

Лазарь сконфуженно проскулил — с подтекстом: “Извини, он у нас несносный мудозвон, с тех пор как

его наделили полномочиями адской гончей и придали соответствующих сил, но старику он нравится, поэтому что тут поделаешь? Хотя все равно никто б не умер, если бы ты держал под прилавком какие-нибудь лакомства для своих друзей”.

— Да, мертвые, — подтвердил Император.

Ривера кивнул.

— В магазине я карандашами не торгую, но, мне кажется, смогу вас выручить. — Он опять зашел за прилавок и выдвинул ящик. Когда у него в почтовом ящике объявилась “Большущая-пребольшущая книга Смерти”, он по инструкции купил и ежедневник, и карандаши. Пять карандашей у него еще осталось. Один он отдал Императору, тот взял, тщательно осмотрел кончик, после чего уронил карандаш во внутренний карман своего громадного пальто, где, как Ривера был почти уверен, больше его никогда не найдет.

— Сколько я вам должен за книгу? — спросил Император. Из боковых карманов он выудил несколько скомканных купюр, но Ривера от денег отмахнулся.

— За мой счет. На службу городу.

— На службу городу, — повторил Император, после чего обратился к войскам: — Господа, выступаем к библиотеке, дабы начать наш список.

— Где же вы добудете имена? — спросил Ривера.

— В некрологах, разумеется. А затем, быть может, заглянем в околоток и проверим сообщения о пропавших без вести. Мне же там кто-нибудь сумеет помочь, правда?

— Уверен, что да. Я позвоню в Управление на Вальехо, предупрежу. Но не могу не думать о том, до чего обширная задача перед вами стоит. Вы сказали, нужно за-

писать *всех* мертвых. А городу тут сколько — сто шестьдесят лет? Очень много покойников в нем накопилось.

— Я неверно выразился, инспектор. Всех мертвых, но в первую голову — тех, кто скончался за последний год.

— Последний год? Почему?

Император пожал плечами.

— Потому что они меня сами попросили.

— Я имею в виду — почему такой упор на последний год?

— Чтобы не забылись. — Император поскреб у себя в косматой бороде, словно бы пытаясь что-то припомнить. — Хотя сказали они — *потерялись*, а не забылись. Чтобы не *потерялись* во тьме.

У Риверы вдруг пересохло во рту, а от лица отхлынула кровь. Он открыл перед Императором дверь, и звякнувший колокольчик оживил его дар речи.

— Тогда удачи вам, Ваше Величество. Я позвоню диспетчеру Управления. Они будут вас ждать.

— Премного благодарен. — Император сунул книгу под мышку и отдал честь. — Вперед, моя гвардия! — И он вывел собак из магазина, причем Фуфел на прощанье лягнул ковер задними лапами, словно бы смахивая с них ту грязь, какая была Альфонсом Риверой.

Ривера вернулся к себе за прилавок и устался на обложку “Большущей-пребольшущей книги Смерти”. В ответ на него злорадно воззрился стилизованный скелет, на его костяных пальцах болтались нанизанные пять человек. Все это изображалось веселенькими красками Дня мертвых.

Потерялись во тьме? Только за последний год?

Ривера купил простые карандаши и ежедневник, как ему велела “Большущая книга”, но после этого не делал с ними совершенно ничего — только сложил в выдвижной ящик под кассой. И ничего не случилось. Ничего. Он мирно вышел пораньше на пенсию, открыл книжный магазин и взялся читать книги, пить кофе и смотреть игры “Гигантов”¹ по маленькому телевизору у себя в лавке. Не происходило вообще ничего.

И тут он заметил, что под самым названием “Большущей книги” имеются слова: “Исправленное издание”. Этих слов тут не стояло — в этом он был уверен, — пока в лавку к нему не зашел Император.

Он выдвинул ящик, размел в стороны карандаши и прочие канцелярские осадочные породы и извлек когда-то купленный ежедневник. Там на первой неделе января значились имя и цифра, написанные его почерком. Потом — еще, каждые несколько дней недели, до самого конца месяца, и все — его рукой, а он не помнил, чтобы все это писал.

Ривера полистал страницы. Заполнен весь ежедневник. Но ничего же не происходило. Никакие злоеющие пророчества “Большущей книги” не сбылись. Он швырнул ежедневник обратно в ящик и раскрыл “Большущую-пребольшущую книгу Смерти” на первой странице — на странице, которая изменилась с тех пор, как он читал ее в последний раз.

Теперь на ней значилось: “Итак, вы облажались...”
— ААХХХХХХИИИИИИИИЕЕЕЕЕ! — Пронзительный визг прямо у него за спиной.

1 Имеется в виду американская профессиональная бейсбольная команда высшей лиги *San Francisco Giants* (с 1958 г., когда она переехала в Сан-Франциско; с 1883 г. называлась *New York Gothams*).

Ривера подскочил на два фута в воздух и отрикошетил от кассового аппарата, развернувшись к источнику вопля. На пол он приземлился с рукой на бедре, глаза распахнуты, воздуху в легких не хватает.

— *Санта-Мария!*

Перед ним стояла женщина — худая, как привидение, бледная, как снятое молоко, с нее свисали черные лохмотья, словно изодранный саван. Стояла прямо перед ним — между ними и шести дюймов бы не набралось. И пахло от нее мхом, землей и дымом.

— Как вы сюда...

— ААХХХХХХИИИИИИИИЕЕЕЕЕ! — На сей раз — прямо ему в лицо. Он отскочил назад к самой стойке, отшатываясь от нее в ужасе, от которого трещал позвоночник.

— Прекратите сейчас же!

Привидение чуть отступило и ухмыльнулось, обнажая иссиня-черные десны.

— Работа такая, милоч. Предтеча гибели я, нет?

Она поглубже вдохнула, словно чтобы испустить еще один вопль, — но тут зашкворчали электроды шокера, обретшие точку приложения где-то в ее лохмотьях. Она рухнула на пол кулем волглого тряпья.